

Народное кино — хорошо, но индийское лучше

Свидетельствует новый фильм Дмитрия Астрахана

Лариса ЮСИПОВА

Еще относительно недавно все кино, производимое на территории нашей страны, делилось на «авторское» и «остальное». К последнему относились комедии, мелодрамы, боевики, батальные полотна — одним словом, вся та хорошего, плохого и среднего качества продукция, в изобилии существовавшая некогда на больших экранах, а теперь под видом «золотой серии» предьявляемая Общественным российским телевидением. К «авторскому» — все проявления пира духа, также чрезвычайно разного качества, но в силу противостояния режиссерской индивидуальности основному потоку в любом случае заслуживающие уважения культурной публики.

Несовершенство этого деления сказалось уже в первые перестроечные годы, когда молодые кинематографисты попытались освоить отсутствовавшие ранее жанры и результаты этих попыток все равно относились к разряду «авторского», как случилось, например, с первым советским фильмом ужасов — «Господином оформителем» Юрия Арапова и Олега Тепцова.

Чуть-чуть как-то было «похоже на планировку», ввели термин «новое кино» и еще более запутали положение. Так что к моменту возникновения еще одного лингвистического новообразования — «народный фильм» — о ясности речь уже не шла. Никто не пытался, например, объяснить, почему к «народным» отнесены в первую оче-

редь не картины Эльдара Рязанова, или достигшего в девяностые пика своей популярности Леонида Гайдая, или, наконец, «Любить по-русски» Евгения Матвеева, для съемок которых жители «красного пояса» присылали свои кровные. Но главным выразителем зрительских чаяний и вкусов были провоглашены не они, а относительно молодой петербургский театральный режиссер Дмитрий Астрахан, в одной из ранних, наиболее удачных и наименее известных своих картин — «Четвертая планета» — сумевший найти такую пропорцию смешения штампов авторского и индийского кино, что даже недекларированные претензии на новое слово были за ним признаны.

Сыграло, видимо, роль и то, что у Астрахана есть редкое для отечественных режиссеров и ценимое знатоками, то есть поклонниками Райнера Вернера Фасбиндера, свойство. Он очень быстро и очень много снимает. Его фильмы образуют тот средний поток, о котором пекутся все современные российские продюсеры и мечтают все киноведы.

После показа в Сочи астрахановского хита «Все будет хорошо», разделившего «кинотавровскую» публику на два враждующих лагеря — поклонников и ненавистников, у почитателей народного кино возникла идея убедить Егора Гайдая в том, что именно Астрахан должен снимать предвыборные ролики «Демократического выбора России».

То ли кинокритикам не удалось донести до главы ДВР эту

идею, то ли что-то помешало ее осуществлению, но вступить в соревнование с Бахытом Килибаевым, автором саги о трех одинаковых буквах, Дмитрию Астрахану не удалось.

И, как кажется теперь — после премьеры «Перекрестка», — не случайно. Чубайсовско-гайдаровское и астрахановское представления о том, как именно все будет хорошо, все-таки слишком сильно разнятся между собой.

От фильмов Астрахана, как правило, остается в памяти пафос, а не сюжет. Но пафос «Перекрестка» рождается именно из сюжетных коллизий, и потому они заслуживают внимания. Есть некая знаменитая в прошлом группа «Дядя Алик» (композитор и автор песен к фильму — Андрей Макаревич), которая теперь почти забыта, играет в подземном переходе, на свадьбах и в клубе «Старый трамвай». У ее руководителя (Леонид Ярмольник) появляется шанс поехать в Америку, заработать там денег, снять клип и попытаться, вернув внимание к группе, вывести ее из-под земли на свет божий. Но для Америки нужна виза, для визы — штамп в паспорте о пребывании в браке.

Есть красивая девушка Ляля (молодая актриса из Минска А. Легчилова), в совершенстве знающая два языка, отбывающая каторгу в средней школе и живущая вместе с родителями и братом-подростком в хрущевской малометражке. Для того чтобы устроиться на работу, о которой она мечтает, ей тоже нужен штамп.

Алик и Ляля встречаются, влюбляются, женятся. Не сразу, конечно, а предварительно потоптавшись на месте вслед за сюжетом и оттоптавшись хорошенько друг на друге. А когда брак все-таки заключен, расходятся — потому что обоим совесть не позволяет совместить чувство с разумом.

Алик плюет на Америку, Ляля — на мечту. Через некоторое время они вновь встречаются в подземном переходе: он поет, она ведет детишек с экскурсии. И тут же усаживается рядом с ансамблем, подпевает Алику и собирает деньги. Кстати, подавать в присутствии Ляли начинают гораздо охотнее. Все, оказывается, и было хорошо, а стало еще лучше. Карьера — глупость, главное — не работать в удовольствие, а страдать. А уж если удастся пострадать на пару с тем, кого любишь, как следует его перед этим унизив, — жизнь удалась вполне. Интересно, на какой электорат рассчитан этот предвыборный ролик?

В отличие от прошлых закланых — «Все будет хорошо», «Ты у меня одна», — Астрахан дал новому фильму название символическое. И недаром. После «Перекрестка» трудно уже сомневаться, что пространство мифов, с которым работает режиссер, почти уже совместилось с пространством идеологии.

Возможно, поэтому киномены начинают постепенно терять к нему интерес — возвращаясь к мыслям о том, что индийское кино в чистом виде, без примесей, все же лучше.